

Львы зимой

“Любовные письма”. Театр п/р О. Табакова

Лев и Львица. Олег Табаков и Ольга Яковлева. Играют успешную бродвейскую пьесу на двоих “Любовные письма”. Ее автор, американец Альберт Гурней, отлично усвоивший отечественную драматургическую традицию, — конечно, не Уильямс. Но похож. При несильном приближении. При сильном — сразу виден другой объем, без психологических бездн, без мучительной изнанки сознания. Но и у Гурнея жизнь хрупка и трагична — настолько, насколько бывает грустна всякая история невоплотившейся любви. Фабула пьесы расписана железной рукой профессионала — это история любви в письмах. Их пишут сначала школьники, потом студенты, потом молодые люди, делающие карьеру и семью, потом зрелые люди, по-разному распорядившиеся своими жизнями. Последнее письмо Он пишет не Ей, а ее матери, ибо его постоянного адресата уже нет в живых. Принципиальное отличие мужской природы от женской в пьесе тоже прочерчено твердой рукой грамотного американского литератора. Энди недалек и нетонк, в его приоритетах — спорт, служебная, а следом — политическая карьера. Ну и, конечно, патриотизм, долг перед обществом и все такое прочее. Мелисса, в противоположность, вся в долгах — не денежных, ибо богата, а социальных: перед собственной семьей, карьерой и обществом. Шальная женщина, живущая эмоциями, и правильный мужчина, гордость нации. Тяга противоположных электрических зарядов друг к другу. По законам физики это взаимное притяжение дает искомый контакт. По беспроблемным сценическим схемам — не менее желанный залог драматического развития событий. В старых классических пьесах свадьба не даром венчала действие. О том, какое счастье ждало бы героев после этой лучезарной развязки, зрителю заведомо не по-

жено было знать. Здесь же, в чистой модельной ситуации, на все сто процентов отработанной лучшими представителями американской литературы XX века, заключение счастливого союза невозможно априори. Что и славно. Что и обеспечивает мощный мелодраматический эффект. Из пункта А в пункт Б и обратно следуют письма-диалоги, в которых с математической точностью размещены все перипетии несбывшегося, но вечно зовущего.

Да здравствуют беспроблемные драматургические схемы! Они прекрасны уже тем, что в них всегда есть что играть хорошим артистам.

Ольга Яковлева играет Мелиссу замечательно. Актриса, рожденная для воплощения хрупких героинь Уильямса, легко раздвигает более скромные объемы Гурнея. Озорство и беззащитность вечной девчонки, кровоточащие душевные изломы, отчаянные броски навстречу счастью и осязаемое неверие в его возможность — перед нами богатейшая акварельная палитра актрисы Яковлевой. Даром что играет женщину, занимающуюся живописью.

Игра Олега Табакова в этом дуэте — сродни качественной балетной поддержке. И здесь просматривается стройный математический расчет профессионалов, причем к актерской паре стоит в этой связи прибавить режиссера Евгения Каменьковича. Коль скоро жизненный путь Энди — твердое восхождение к социальной вершине, а Мелиссы — неуклонное съезжание под откос, их физическое существование на сцене расписано, как в балетной партитуре. Свобода ее движений, необыкновенная подвижность в отведенной ей половине сцены находятся в постоянном контрасте с его вечным сидением на своей половине. Бренные оболочки душ, всю жизнь тянувшихся друг к другу, будто сделаны из разных материалов: тяжелого, устойчивого и

хрупкого, летящего. Режиссер Каменькович классно “умирает” в актерах. Справедливости ради как не заметить, что это ныне — редкое умение, даже когда есть, в ком “умереть”. Художник Александр Боровский — еще один безусловный профессионал в этой затее. Его декорацию — занавес и два стола с характерными для персонажей аксессуарными — хоть сейчас вези на тот же Бродвей. Нетрудно. Недорого. Однако кто скажет, что декорация бедна по смыслу, пусть бросит в меня камень. Занавес ползет с двух кулис в середину сцены, намертво отделяя героев друг от друга. От накопившейся за всю жизнь героев переписки он становится все более узким, а к финалу выглядит тоненькой полоской. Сентимент последовательно отвоевывает все новые пространства сцены, пока не захлестнет ее целиком. И вот Табаков выходит на коду. Выходит, в буквальном смысле слова, вплотную к рампе. Он “отсылает” последнее письмо к матери умершей возлюбленной, где признается, что Мелисса была единственным настоящим смыслом его жизни. Голос артиста дрожит, съезжает на глухие тембры и срывается. Тут в зале — без вариантов. Как сказано у Пушкина, “и слеза туманит ясные глаза”.

Резюме так и тянет исполнить в пафосных тонах. Новый спектакль Табакера — откровенно коммерческое предприятие. Ну и что? Будем по-прежнему упорствовать и вешать между коммерции и искусством разделительную штору, надобие той, что сочинил художник А. Боровский? Прикажем себе не слышать оваций и не видеть зрительских толп у входа в театр? Наконец, не признаемся самим себе в испытанном удовольствии? К черту! Не лучше ли научиться делать хорошие коммерческие спектакли?

Наталия КАМИНСКАЯ

Сцена из спектакля “Любовные письма”. О. Яковлева — Мелисса

Фото МИГУРМАНА

Табакер Олег

27.9.2000.